

Дмитрий Хаустов

Опасный метод

Пять лекций
по психоанализу

лекции
PRO
mini

Дмитрий Станиславович Хаустов
Опасный метод. Пять
лекций по психоанализу
Серия «ЛекцииPRO-mini»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43379827

*Опасный метод: Пять лекций по психоанализу : Группа Компаний
«РИПОЛ классик»; Москва; 2019
ISBN 978-5-386-12282-9*

Аннотация

Возникновение психоанализа, без сомнения, одно из важнейших интеллектуальных событий XX века. Психоаналитические концепции Зигмунда Фрейда, Жака Лакана оказали огромное влияние не только на психологию, но и на всю современную культуру. Настоящие лекции историка философии Дмитрия Хаустова – краткое и увлекательное путешествие по самым основным вехам этого экстраординарного феномена

Содержание

Вступительное слово	5
Лекция 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Хаустов
Опасный метод
Пять лекций по
психоанализу

© Хаустов Д. С, 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Иллюстрации А. Хаустовой

* * *

Вступительное слово

Перед вами пять лекций по психоанализу, нигде до этого момента не читанных, не публиковавшихся, словом, вполне оригинальных *написанных* лекций – скажем так, лекций для чтения, по аналогии с пьесами для чтения: лекции эти – почему нет? – также можно разыгрывать вслух, при публике в просторной гостиной, желательно по ролям (вот входит Фрейд, вот Юнг, вот Лакан, а вот и – сюрприз! – Славой Жижек, и за всем этим хор из невротиков, психотиков, аналитиков, прочих первертов...). С другой стороны, их можно читать *про себя*.

В качестве краткого предуведомления я позволю себе оговорить само это, более чем лаконичное, название – «Пять лекций по психоанализу», – то есть оговорить некоторые *слова*, в чем, собственно, и состоит моя (историко-философская, комментаторская) работа.

Так как прояснению главного слова «психоанализ» эта работа в целом и посвящена, здесь я о нем скажу только следующее: два главных героя-психоаналитика этих лекций – Зигмунд Фрейд и Жак Лакан, между ними почти что пропорционально поделено всё их, этих лекций, небольшое количество. О других фигурах психоанализа, великих и малых, говорится вскользь и по случаю (о ком-то поэтому не говорится вообще, что, разумеется, не означает, что этот кто-

то по каким-то причинам недостойн внимания). Это понятно: у разных психоаналитиков разные теоретические заслуги. Но даже при скромных заслугах фигуры не первого ряда по-своему интересны, к ним хочется обращаться. Однако формат этих лекций не благоволит желанной сюжетной размашистости. Отмечу, что и в этом есть свои преимущества, особенно в том условно популяризаторском жанре, в каком все нижеизложенное и исполнено. Краткость – важная часть выбранной методологии.

Последнее замечание – как раз о формате, о «методологии краткости». Лекций всего-то пять, и для такой богатой темы это капля в море (ну хорошо, пять капель). Тем значимее задача: в плотных и емких формулировках сказать о том главном, опорном, без чего продолжать свое знакомство с психоанализом, на мой авторский взгляд, совсем нельзя. А так как на это дальнейшее знакомство читателя с заданной темой я молчаливо надеюсь, задача моя дополняется: лекции должны быть не только информативными, но и – буквально – захватывающими. Отсюда внимание к стилю: дидактика – без монотонности, азы – без банальности, правда – с поэзией... и сарказмом.

Вот и все для начала. По всему видно, что адресат этого предуведомления – сам его автор, проясняющий самому себе свои цели. А что же читатель? Не вправе чего-либо от него требовать, только скажу: ему я буду очень признателен за внимание – и неторопливость.

Д. Хаустов.
Весна 2018

Лекция 1

Событие Фрейда

Горе тебе, моя принцесса, когда я явлюсь. Я зацелую тебя, пока ты не покраснееешь, и закормлю, покаты не потолстеешь. А если ты проявишь строптивость, ты увидишь, кто из нас сильнее: нежная маленькая девочка, которая ест недостаточно, или большой яростный мужчина с кокаином в теле.

Из письма Фрейда к Марте Бернайс от 2 июня 1884 года¹

Высказывание «психоанализ – это Зигмунд Фрейд» вряд ли можно признать достаточным, но нельзя не признать в общем верным. Возникший в условиях персональной фрейдовской мысли, психоанализ в дальнейшем расширял свои рамки, но не выходил – и не мог выйти – за пределы своих изначальных условий. Таким образом, историческое событие психоанализа – это также персональное событие Зигмунда Фрейда. К тому же, заводя разговор о теории, в которой все выводы обусловлены личной историей ее объектов-пациентов, нельзя не признать, что именно *личная ис-*

¹ Цитата по: Фромм Э. Теория Фрейда: Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: Астрель, 2012. С. 23.

тория ее, этой теории, создателя является если и не ключом, то во всяком уж случае верной дорогой к корректному усвоению непосредственно теоретических положений². Поэтому мы условимся двигаться следующим образом: сначала познакомимся с Фрейдом, следом – с его работами и только потом попытаемся собрать это все воедино. От нас требуется немного великодушия, чтобы отдаться на время течению чужой жизни, – уверяю, это окупится сторицей, ибо жизнь, подобная жизни Фрейда, для внимательного взгляда может оказаться не иначе как рогом теоретического изобилия.

Сигизмунд Шломо Фрейд, вошедший в историю под несколько более благозвучным именем Зигмунд Фрейд, родился 6 мая 1856 года во Фрайберге, Моравия, Австро-Вен-

² Биографической литературы о Фрейде – хорошей и плохой – великое множество, поэтому оговорю свой выбор. В первую очередь я опираюсь на свежую биографию Элизабет Рудинеско, по счастью оперативно переведенную на русский язык и, таким образом, всем доступную: *Рудинеско Э.* Зигмунд Фрейд в своем и нашем времени. М.: Кучково поле, 2018. Также на русском есть большая биография авторства Питера Гая: *Гай П.* Фрейд. М.: Азбука-Аттикус; КоЛибри, 2016. А кроме того, сильно сокращенное, сведенное к однотомнику издание трехтомной биографии Фрейда под авторством Эрнеста Джонса: *Джонс Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: Наука, 1997. Английский оригинал этой первой официальной биографии основателя психоанализа – *Jones E.* Sigmund Freud, life and work. London: Hogarth press. I, The Young Freud, 1856–1900. – 1953. II, Years of maturity, 1901–1919. – 1955. III, The last phase, 1919–1939. – 1957. Хорошим дополнением к знакомству со становлением Фрейда-психоаналитика послужит книга Шертока и Соссюра: *Шерток Л., Соссюр Р.* Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М.: Прогресс, 1991.

герская империя. Отцом его был Якоб Калламон Фрейд, потомственный еврейский торговец из Восточной Галиции. Матерью – Амалия Натансон, дочь торгового агента из Одессы. Это был не первый брак Якоба, к тому же Амалия годилась ему в дочери. Они поженились в 1855 году и за последующие десять лет произвели на свет богатое потомство числом в восемь маленьких Фрейдов: Зигмунд, Юлий, Анна, Регина Дебора, Мария, Эстер Адольфина, Паулина Регина и Александер, последний появился на свет в 1866 году, – итого три мальчика и пять девочек. В 1860 году семья переехала в бедный венский пригород Леопольдштадт.

Зигмунд был первым и фактически, и юридически: он был любимчиком матери и отца, ему было позволено больше, чем всем остальным, то есть рос он в положении лидера, человека избранного, привилегированного, *главного*. Элизабет Рудинеско описывает это следующим образом: «У Фрейда, воспитанного в либеральном духе, в обществе, где действовала эндогамная система, а браки традиционно заключались по договору, при отце, годившемся ему в деды, при матери, которая могла бы выйти замуж за сводного брата, племянниках одного с ним возраста, было счастливое детство. Пять сестер его боготворили и в то же время считали его тираном. Он контролировал, что именно они читают, не выносил звуков пианино, мешавших учиться, и считал вполне нормальным, когда сестры собирались в общей комнате со свечой, тогда как сам он сидел совершенно один и жег масляную

лампу»³.

Задним числом можно отметить, что к посту лидера психоаналитического движения Фрейд готовился сильно загодя. Помимо всего перечисленного, исключительность «золотого Зиги», как величала его любящая мать, выражалась в том, что на его счет в семье рано было решено следующее: он не пойдет по стопам отца и деда, не будет делать торговой карьеры, но будет реализовывать себя на поприще познания. Так в итоге и получилось, хотя и не столь линейно и просто, как представляли себе гордые родители.

На том пути, который был для него рано избран, Фрейд имел самые большие шансы на успех: его мало что интересовало помимо учебы, он не был охоч до типичных развлечений молодежи того (да и всякого) времени, к занятиям у него были нешуточные задатки – уже юношей он был первым учеником в классе, позже легко ориентировался в современной ему науке и не в меньшей мере в мировой культуре в целом, знал английский, французский, итальянский, испанский, чуть хуже – португальский, а также древнегреческий, латинский, древнееврейский языки, а сверху еще и идиш, – и, к слову об идише, привычный европейский антисемитизм тогда в Вене был слишком слаб, чтобы Фрейду в карьере хоть как-то могло помешать его еврейское происхождение (к тому же именно в медицине евреев было невероятно много)⁴.

³ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд... С. 21.

⁴ Вопросу о венском антисемитизме большое место в своей книге отводит Рут-

Юный Фрейд подумывал о занятиях философией, юриспруденцией, даже политикой – благо таланты позволяли ему любой выбор, однако остановился он именно на медицине, поступив в Венский университет, славившийся на всю просвещенную Европу своей естественно-научной подготовкой. Преподавал там, в частности, и Эрнст Вильгельм фон Брюкке, глава австрийской школы физиологии, который окажется одним из тех, кто сыграет в будущем становлении Фрейда немалую роль.

Будет нелишним при переходе к образованию Фрейда сказать несколько вводных слов касательно общей ситуации в медицине и, шире, в культуре, имевшей место в Европе, и в

кевич (смотри главу «Евреи, антисемиты и психоанализ»): *Руткевич Л.* Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. М.: ИНФРА-М – ФОРУМ, 1997. Впрочем, нельзя не отметить, что главная задача этого труда (не могу судить, сознательная или нет) – выставить Фрейда в как можно более дурном свете. На это указывает тенденциозный подбор источников, в которых перечисляются все – действительные (как, к примеру, привычка выводить очень общие следствия из очень частных случаев) и мнимые (как, к примеру, симпатия к Муссолини) грехи отца психоанализа, тогда как апологетические источники, которые ведь также бывают весьма доказательными, почти полностью игнорируются. Даже когда автор ссылается на апологетическую книгу – к примеру, книгу Шертока и Соссюра, – он берет из нее только отрицательные факты (хотя положительных там в разы больше, но автору как-то не до того, ему нужно разделаться с оппонентом любыми способами, даром что оппонент этот уже не ответит). Да что там, он даже готов обелять сотрудничавшего с нацистами Юнга, лишь бы Фрейд выглядел хуже! Комично поэтому звучат дежурные фразы Руткевича из серии «конечно, были у Фрейда и плюсы, но...». «Конечно» тут разве что то, что о плюсах мы так ничего и не узнаем, зато вот это лукавое «но» тоскливо растянется на всю книгу, по нынешним меркам немалую. Конечно, у книги этой есть свои плюсы, но...

частности в Вене рубежа XIX–XX веков.

Наиболее характерной чертой *венского модернизма* той эпохи было редкое по интенсивности сотрудничество лучших представителей самых разных областей теории и практики: ученых, психологов, писателей, художников... Совсем рядом друг с другом – не просто территориально, но, скажем, духовно и коммуникативно – работали представители венской медицинской школы, австрийской экономической школы, венского кружка философии науки, венской школы в музыке, литературного движения «Молодая Вена». Однако, как отмечает Эрик Кандель, исследующий все эти богатые взаимосвязи венского модернизма, движущим началом, некоторым абсолютным истоком для всех них послужила именно революция естественных наук второй половины XIX века. Можно условно датировать это биологическое начало венского модернизма выходом труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов» в 1859 году. Сформулировать суть этого биологического начала можно так: отныне понята и научно зафиксирована преобладающая роль инстинкта в человеческой (то есть животной) жизни; ключевую роль в поведении человека, понятого как животный вид, должна играть репродукция, сексуальность⁵. Именно здесь мы находим ту ось, которая связывает столь, казалось бы, разные явления, как психоанализ Фрейда, эволюционизм, литература Артура

⁵ Кандель Э. Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. М.: АСТ: CORPUS, 2016. С. 33–34.

Шницлера и живопись Густава Климта, Эгона Шиле, Оскара Кокошки.

Фрейд был убежденным дарвинистом, как и его именитый предшественник, великий ученый Карл фон Рокитанский, модернизатор венской медицинской школы, великий патологоанатом и автор фундаментального «Учебника патологической анатомии» в трех томах. Кандель пишет о нем: «Благодаря Рокитанскому патологическая анатомия стала основой медицинской науки и образования не только в Австрии, но и во всех странах Запада. Рокитанский и его коллеги отстаивали идеи, составившие фундамент современной научной медицины. Они доказывали, что медицинские исследования и клиническая практика неотделимы друг от друга и взаимозависимы, что пациент – это поставленный природой эксперимент, что больничная палата должна быть лабораторией для врача, а больница – домом для студентов. Кроме того, сравнивая стадии болезней, Рокитанский и Шкода заложили научную основу представлений о патогенезе – идею, что болезнь естественным образом проходит ряд этапов», и далее: «Рокитанский применил в медицине принцип Анаксагора (V век до н. э.): „Явления – это наблюдаемые проявления скрытого“»⁶.

Эту идею – принципиальную важность *сокрытого*, не лежащего на поверхности, в медицине – мы хорошенько запо-

⁶ Кандель Э. Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. С. 50.

ним, потому что для венского модернизма с его литературой, живописью и, конечно, психоанализом она будет иметь значение не меньшее, чем общее движение дарвинизма с его *приматом репродукции*. А если к тому же мы уже теперь объединим две эти мысли в единое целое и скажем, что *сексуальность – это и есть то сокрытое*, которое играет важнейшую роль в медицине, мы окажемся так близки к событию Фрейда, как это только возможно.

Последователем Рокитанского в Венском университете и был Эрнст Вильгельм фон Брюкке – непосредственный учитель Фрейда, физиолог и психолог. Будущий преемник, а позже и ренегат от этой богатой медицинской культуры, Фрейд поступает в университет в 1873 году, изучает анатомию, биологию, психологию, медицину и прежде всего зоологию – ей посвящены первые его статьи, – в итоге попадает в физиологическую лабораторию к Брюкке (зоологию при этом пришлось оставить в прошлом), где, помимо прочего, сводит судьбоносное знакомство с доктором Иозефом Брейером. Брейер станет близким другом и единомышленником Фрейда, в соавторстве они напишут работу «Исследования истерии» (1895) – ту самую, которая и положит начало психоаналитической теории.

А пока что Фрейд-физиолог заканчивает учебу (1881), становится доктором и получает у Брюкке должность лаборанта-ассистента. Попутно он служит один обязательный год в армии, где переводит – от скуки – двенадцатый том пол-

ного собрания сочинений Джона Стюарта Милля, где рассматриваются, в частности, вопросы женской эмансипации, социализма и пролетариата – словом, всё то, что в дальнейшем будет настолько далеко от Фрейда, насколько это вообще возможно⁷. В 1882 году случится их встреча с Мартой Бернайс: брат Марты Эли женился на сестре Зигмунда Анне. Марта и Зигмунд станут мужем и женой в 1886 году, а до того молодой доктор Фрейд демонстрирует настойчивость, ревнивость и изрядный романтизм – так, в период ранних ухаживаний за будущей женой он ежедневно дарил ей розу и писал стихотворение на латыни.

В 80-е годы мышление Фрейда работает по принципу плавающего котла: он движется от идеи к идее, он пробует многое, но ничто не способно удовлетворить его страсть к теоретической новизне. Интуитивно подобная новизна чувствовалась в теории сексуальности. Венская медицинская школа, которую представляли Рокитанский и Брюкке, «исходила из принципа биологии психики, согласно которому все психические процессы имеют биологическую основу»⁸. Характер этой биологической основы еще до открытий Фрейда подчеркнул знаменитый Рихард фон Крафт-Эбинг, автор нашумевших в свое время работ по описательной психиатрии, в которых *сокрытое* в социальном поле – всё та же сек-

⁷ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 29.

⁸ Капдель Э. Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. С. 60.

суальность – внезапно сделалось явным. Не то чтобы этот ученый так уж хотел пошатнуть устои степенного общества: он занимался изучением головного мозга и был равнодушен к пикантностям как таковым. Но эффект от его работы шел куда дальше его личных интенций – так что теперь, ретроспективно, открытия Фрейда сложно представить без подготовивших для них место текстов Крафт-Эбинга.

Любопытно, что Крафт-Эбинг, этот степенный и благовоспитанный позитивист, не придавал своим «сексуальным» открытиям какого-либо революционного окраса: для него все это сводилось к патологии, а будущие сексуальные открытия Фрейда он именовал не иначе как «научными сказками». Фрейда немало травмировали такие оценки, потому что сам он хотел считать себя человеком сродни Крафт-Эбингу: ученым профессором, строгим медиком, позитивистом – в общем, *солидным* человеком, а не *скандалистом*, в разряд которых его впоследствии и записали.

Хотя начинал Фрейд как физиолог, сделать карьеру на этом поприще ему не представилось случая – пришлось менять профессиональную ориентацию непосредственно внутри медицины. Уже в 1882 году, то есть на следующий год после окончания учебы, Брюкке недвусмысленно советует Фрейду ориентироваться не на исследовательскую, а именно на врачебную карьеру: своего ученика он ценил очень высоко, однако не хотел скрывать от последнего, что выгодных вакансий в их области в ближайшее время не предвидится. С

финансовой точки зрения, которая всегда беспокоила Фрейда, это был хороший совет – учитывая к тому же его намерение создать семью с Мартой. В итоге, приняв совет Брюкке, молодой доктор продолжит свое обучение в Главной больнице Вены и откроет частную врачебную практику, которая не сделает его финансово независимым, но позволит не умереть с голоду⁹.

Став практикующим врачом, Фрейд не оставит внутренней страсти к исследованию, к изучению скрытого и непознанного – изучению, которое так пленяло его во время работы в физиологической лаборатории. Иногда эта страсть приводила Фрейда к гениальным озарениям, иногда – к странным курьезам. Так, известен эпизод с кокаином: во время ассистирования в Главной больнице Фрейд с немалым увлечением изучает положительные медицинские свойства коки, при этом отрицательные свойства – как, например, привыкание – игнорирует. Позднее из-за подобной невнимательности Фрейд будет подвергнут критике в медицинских кругах, и до сих пор хейтеры психоанализа так и норовят припомнить его создателю ранние «наркоманские» опыты. Однако важно отметить, что полезные медицинские свойства кокаина действительно имели место: друзья Фрейда, офтальмологи Карл Коллер и Леопольд Кёнигштайн, под

⁹ Известно, что страх бедности преследовал Фрейда всю жизнь – смотри, к примеру: *Фромм Э. Теория Фрейда: Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния. Величие и ограниченность теории Фрейда.* С. 22.

влиянием молодого экспериментатора стали использовать кокаин при операциях на глазе, а Коллер впоследствии стал первооткрывателем местной анестезии – конечно, используя при этом свои, и не только свои, опыты с кокаином¹⁰.

Скандал с наркотиком, ободряющие свойства которого Фрейд всячески рекламировал – при полном игнорировании опасности привыкания, – не помешал продвижению Фрейда по карьерной лестнице, хотя сам он всегда не без толики паранойи подозревал, что, если бы не повсеместный антисемитизм (которого, повторяюсь, не было), продвижение это могло бы быть и более стремительным. Так, в 1885 году не без содействия Брюкке и другого своего учителя, Теодора Мейнерта, Фрейд получил звание приват-доцента и стал преподавать в Венском университете. Это, однако, не избавило готовящегося к женитьбе доктора от материальных проблем. Иозеф Брейер, любезно помогавший своему юному другу с деньгами, посоветовал тому не только заняться неврологией, но и обратить внимание на *гипноз*, который и сам Брейер охотно пользовался.

Что в неврологии, что в использовании гипноза французская медицинская школа в те времена считалась сильнее австрийской, – и, зная об этом, Фрейд выхлопотал себе стипендию на почти что полугодовое обучение у знаменитого Жан-Мартена Шарко в парижской больнице Сальпетриер. Шарко изучал и демонстрировал на публике истерическое заболе-

¹⁰ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 37.

вание во всем его гипнотическом шарме. Попутно он развеивал мифы и углублял познание истерии тем, что, например, обнаруживал ее не только у женщин, но и у мужчин, а также связывал ее с посттравматическим расстройством. Последнее обстоятельство будет иметь фундаментальное значение для зарождения психоаналитической теории.

Одним из лучших исследований по вопросу французского влияния на Фрейда является упомянутая уже работа Шертока и Соссюра «Рождение психоаналитика». Возможно, авторы несколько преувеличивают масштаб этого влияния¹¹, но по части информативности их работа остается на высоте. Выстраивая линию преемственности от ранних магнетизеров до фрейдовского психоанализа, авторы выделяют ряд этапов, через которые формировалась особая психоаналитическая предметная область: в животном магнетизме Франца-Антоня Месмера впервые в европейской (пара)медицине устанавливается *аффективное отношение* между врачом и пациентом (это отношение получило название *rapport*), однако предрассудком Месмера было представление о некоем органическом флюиде, дисбаланс которого вызывает болезнь и, соответственно, при воздействии на который маг-

¹¹ Так, они пишут: «Хотя Фрейд, несомненно, испытал влияние немецких писателей и ученых, воздействие французской культуры и науки оказалось для него в некоторых отношениях определяющим. Именно в Париже в 1885–1886 годах у него зародились идеи его будущих открытий, именно там и тогда он принял важнейшее решение оставить физиологию и обратиться к психологии» (Шерток Л., Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. С. 36).

нетизер лечит пациента; несколько медицинских комиссий, назначенных властями расследовать деятельность магнетизеров (в комиссиях этих значились не последние люди – к примеру, Лавуазье, Бенджамин Франклин, даже отец гильотины – собственно Гильотен), в итоге своей работы пришли к однозначному выводу, что никакого такого флюида не существует; однако закрыть медицинскую тему месмеризма, позже названного *гипнотизмом*, не получилось: ведь налицо был феномен воздействия врача на пациента, при котором последнему становилось лучше, – этого-то почтенные комиссии никак не объясняли; Нансийская школа, в особенности Льебо и Бернгейм, продвинули изучение гипнотизма на новый уровень, экспериментальным путем выявляя всё новые факты психического воздействия на соматику; Сальпетриерская школа Шарко, у которого и стажировался молодой Фрейд, вступила в конкуренцию с Нансийской школой, хотя во многом работа их пересекалась и совпадала (разница была в том, что Шарко не оставлял надежды найти органическую обусловленность психического травматизма).

Фрейду удалось освоить результаты работы обеих школ: помимо стажировки у Шарко, он также бывал в Нанси и даже переводил на немецкий работу Бернгейма «О внушении». Находясь под впечатлением от французских школ, Фрейд некоторое время применял в своей врачебной практике гипноз, пока не убедился, что *катартический метод* Брейера

работает лучше¹². Тем не менее именно благодаря французам Фрейд усвоил тот тезис, который будет решающим для рождения психоанализа: существует психическая детерминация соматических явлений, и путь к экспликации ее (и, таким образом, к излечению) – в установлении аффективного контакта с пациентом.

По возвращении на родину 13 сентября 1886 года в Вандсбеке Фрейд женился на Марте Бернайс. В период с 1887 по 1895 год у четы Фрейдов родилось шесть детей: Матильда, Мартин, Оливье, Эрнст, София и Анна. Сестра Марты Минна поселилась в доме Фрейдов и стала чем-то вроде второй хозяйки, «второй жены», что дало, конечно же, много поводов для всевозможных инсинуаций для недоброжелателей (поводы действительно были: Зигмунд и Минна находились в очень близких и доверительных отношениях, но – родственных и Дружеских, не сексуальных, как того многим бы хотелось). Биографы, как правило, указывают, что после рождения последнего ребенка сексуальная жизнь Фрейда буквально затухает, что может служить пикантным *перформативным* (как это часто бывает у Фрейда) подтверждением его теории о сублимации, в соответствии с которой либидо ученого мужа полностью *инвестируется* в познание, а, соответственно, не в жену.

¹² По одной из версий, Фрейд решил отказаться от применения гипноза после того, как одна пациентка во время сеанса набросилась на него с явно эротическими намерениями (*Шертук Л., Соссюр Р.* Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. С. 163).

Элизабет Рудинеско так описывает быт в доме Фрейдов после женитьбы: «Едва устроившись в новой венской квартире на Терезиенштрассе, он запретил Марте праздновать субботу и готовить по требованиям кашрута. Ни один из их сыновей не был обрезан. Отказ от этих ритуалов был для Фрейда единственным способом осознать свое еврейство, не отвергая идентичности переходом в другое исповедание. Убежденный, как и Спиноза, в том, что является наследником народа, сохранившего историческое единство не столько благодаря священной доктрине избранничества, сколько ненависти со стороны других народов, он гордился своим еврейством, мощнейшим способом сопротивления любому конформизму»¹³. Однако еврейство его воспринималось Фрейдом и как препятствие: помимо вечных опасений, что антисемитизм таится за углом, Фрейд будет делать все, чтобы психоанализ не воспринимался как еврейская дисциплина.

После поездки во Францию Фрейд был захвачен новыми перспективами, однако его энтузиазм заражал не всех. Рудинеско пишет: «Знакомство с Шарко было решающим»¹⁴, и далее: «Нет сомнения, что Шарко был для Фрейда больше чем просто учитель. Он был тем человеком, с помощью которого мог бы быть покорен новый материк – сексуальность» – да-да, этот любимый французскими исследовате-

¹³ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 44–45.

¹⁴ Там же. С. 46.

лями психоанализа мотив мы уже слышали, однако: «Определенно, на путь выявления невротических явлений Фрейда вывел Брейер, указывая на важность психического детерминизма в этиологии истерии. Но как строгий практик, озабоченный экспериментальной проверкой, он во всем сомневался, без конца опровергая собственные гипотезы, и советовал Фрейду быть очень осторожным. Брейер любил Фрейда, и Фрейд любил Брейера. Но Фрейд, увлекшийся Шарко, не мог осторожничать»¹⁵. И действительно, неосторожность в очередной раз (после случая с кокаином) его подвела: 15 октября 1886 года его пригласили прочесть лекцию в Императорском обществе врачей Вены, где он изложил идеи Шарко со страстностью неопита, да так, будто бы для всех собравшихся все это было сродни открытию нового континента. Фрейд ошибался, а степенные венские доктора немного обиделись на молодого коллегу за то, что он держит их за малоосведомленных дилетантов. В итоге лекция была подвергнута не то чтобы разгромной, но все же чувствительной критике, в которой более прочих упорствовал учитель Фрейда Мейнерт. Фрейд был раздосадован, но в конечном итоге упреки в исследовательской поспешности и в недостатке самокритики только пошли ему на пользу.

Что касается событий, которые привели к настоящему оформлению психоаналитической теории, то они имели место на протяжении всех 1880-х годов и итогом была кни-

¹⁵ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 47.

га 1895 года «Исследования истерии», написанная Фрейдом и Брейером в соавторстве. Огромным шагом вперед было простое, казалось бы, стремление Фрейда и Брейера *выслушать* своих пациентов: тем, что они дали пациентам слово и донесли это слово до читателей, доктора эти преодолели прискорбную установку объективистской психологии того времени, которая, в противоположном психоаналитическому ключе, лечила не *больного*, но самое *болезнь*, тогда как больной редуцировался к бессловесному объекту. Вернув пациентам их слово, их речь, Фрейд и Брейер смогли обнаружить, что ключ к лечению – как раз таки в личной истории пациента, проговариваемой во время сеанса.

Решающим для этого открытия было лечение Брейером пациентки под псевдонимом Анна О. (настоящее имя – Берта Паппенгейм), проходившее с 1880 по 1882 год (то есть задолго до написания «Исследований истерии»). В ходе этого лечения, кстати говоря неудачного, был открыт так называемый катартический метод, или метод лечения разговором. Ошеломленный неожиданным переносом пациентки (сам термин «перенос» будет введен значительно позже), Брейер спешно прекратил лечение, однако младший его коллега Фрейд смог разглядеть во всем этом революционную истину истерии. Первая формулировка этой истины звучала у Фрейда так: судя по тому, о чем говорят пациентки во время сеансов, причиной их истерии может оказаться сексуальная травма, полученная в детстве. От этой ранней тео-

рии, которая получила название *теории соблазнения*, Фрейд очень скоро откажется – и правда, требовалось предположить неправдоподобно много случаев детского сексуального насилия при немалом количестве истеричек. Отказавшись от теории соблазнения, Фрейд придет к выводу, что фактического соблазнения могло и не быть, и все равно травмы имеют вполне очевидный сексуальный источник. Однако к тому моменту, как первичная теория стала меняться и обрастать новыми интерпретациями, Брейера рядом с Фрейдом уже не было: представления этих старых друзей о профессии разошлись слишком далеко, чтобы их можно было по-прежнему согласовывать. Дальнейшая разработка психоанализа, открытого в «Исследованиях истерии», принадлежит одному только Фрейду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.